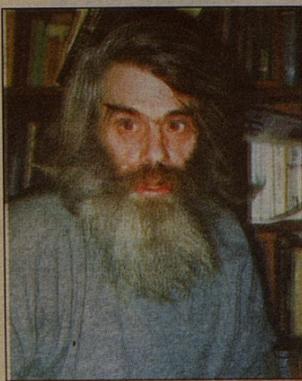

Зона взрыва у Белой Стены

Курайтис. — 1998. — 16 июля. — С. 34.

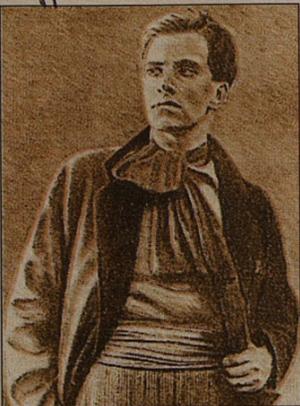
Сказать, что Виктор Борисович Кривулин — человек интересный, значит, ничего не сказать. Один из крупнейших российских поэтов (стихи его также выходили в Европе в переводах на английский, немецкий, финский, эстонский язык), радикальный художник с начала 70-х, все эти годы он шел в авангарде современного искусства. За свои 53 года он успел пожить во многих странах мира. В Германии, в творческой анархистской коммуне, он каждый день писал картины, которые вечером выставлял перед друзьями, а утром, когда жители коммуны разбредались по своим делам, рисовал новые, сжигая нарисованные вчера. Приехав во Францию, снял в Париже семичасовой фильм о русской эмиграции 80-х, отрывки из которого мы видели по телевизору в "Пятом колесе" в период расцвета передачи. В Англии участвовал в проходившем тогда в Глазго конгрессе троцкистов, читал на нем свои стихи. В Греции, на Афоне, жил в монастыре, ездил к отшельникам, которые сидели в кельях на отвесной скале над пропастью. Был в Боснии во время войны. Пять лет издавал литературный религиозный, философский журнал "37". Работал и продолжает работать как журналист, публикуясь не только у нас, но и в Европе.

Виктор Кривулин.

— Ваш взгляд на положение в авангарде сегодня?

— Сегодня вообще об авангарде говорить нельзя, потому что мы живем в ситуации поставангарда. Можно говорить только о кризисе поставангарда.

Владимир Маяковский.

Я наблюдаю за теми процессами, которые сейчас проходят в Петербурге среди молодежи, и могу фиксировать, что идет новый всплеск интереса к раннему футуризму. Такая ситуация свидетельствует о том, что мы находимся накануне совершенно неожиданных социальных потрясений. Индикатором того, что происходит, является настроение молодежи. Оно взрывоопасно.

Оно связано с попыткой эпатировать, а эпатировать уже некого. Происходит отход от постмодерна, соцарта к ценностям бунта, повышенной эмоциональной жизни, которых нет у последней волны в искусстве 80 — 90-х. Феномен вторичного футуризма, требование чистого открытого текста, открытых эмоций, никак не стесненных культурой, своего рода культурный бунт связаны, на мой взгляд, с возможной политической эволюцией. Это опасный симптом: ситуация требования повышенной эмоциональной открытости, причем игровой, при отсутствии рефлексии.

С другой стороны, есть волна, которая связана, условно говоря, с русским буддизмом. Это совершенно противоположная волна снятия всех противопоставлений, контрастов. Белая стена перед лицом. Это Пелевин.

— Вы сказали, что эпатировать уже некого. Почему?

— Потому что общественные рамки настолько расширились, что стало очень трудно выйти за их пределы. Мы не знаем, где граница. Этому способствовали Владимир Сорокин, Дмитрий Пригов. Молодежь оказалась в ситуации мира без рамок, мира без границ. Поэтому она хочет заново создать эти границы. Поразительно, насколько для самого молодого поколения влиятельна позиция молодого Маяковского. Вызов бросить некому, но тем не менее его нужно бросать. У нового поколения свой ритуал — ритуал бунта, ритуал взрыва, ритуал молнии.

Есть сейчас фигуры, которые очень влияют на молодежь, например Дугин. Он не единственный, есть несколько таких людей. Это игровые фигуры, существующие в провокативном пространстве. Курехин, например, всегда находился на грани реальности и провокации.

А если говорить о границах, то они присутствуют всегда. И сейчас есть запретные зоны, запретные темы. Они просто другие, чем 10 лет назад. Обратите внимание, что было запретным? Последние 10 лет прошли под знаком иронии, тотального сдвеха. Под знаком уничтожения всех тех ценностей, которые были. И теперь все эти ценности оказываются той самой запретной зоной, о которой интересно говорить, думать. Это своего рода взрывчатый материал, которым рано или поздно кто-нибудь может воспользоваться. И неважно, коммунизм ли это, фашизм или буддизм. Они образуют единое поле. Раньше невозможно было представить себе коммуниста с буд-

дистским мировоззрением и фашистской символикой, а теперь — пожалуйста. И рядом с этим существует совершенно косная церковь, которая мало понимает, что происходит, которая целиком политизирована и играет во взрослые игры. Поэтому молодежи остается только одна зона — зона взрыва, зона бунта, и это любопытно.

Очевидно, что грядет поколение людей, которые не будут курить, употреблять наркоту, торчать на совершенно другом. Авангард не имеет формальных признаков. И потом, мы существуем сейчас в ситуации, когда авангард последние 20 лет в Европе и 10 лет у нас подвергается тотальной критике. Для авангардиста важно существование само по себе, фактор успеха не играет никакой роли. Для людей, существующих в зоне поставангардного сознания, успех — это важная составляющая. Представить себе безвестного художника, который, будучи авангардистом, сидит у себя на мансарде и с остервенением закрашивает холст за холстом, сейчас совершенно невозможно. Потому что составной частью работы художника стал промоушн, движение. Это просто другое сознание.

— А как вы относитесь к таким современным художникам, как Бренер, Кулик, Осмоловский?

— Я видел одну акцию Бренера в видеозаписи. Она представляла собой бросание бутылок в окна посольства Белоруссии. Акция эта была продумана и просчитана не один раз. Я увидел маленького человека, скрюченного, боящегося, пытающегося побороть свой страх и бросающего бутылки, потому что так надо. Но ситуация страха не входила в тот художественный комплекс, который представлял собой его действие.

— Меня всегда удивляло, что поведение противоречит идеологии.

— Это главное отличие авангарда и поставангарда. В быту человек ведет себя как партикулярное, нормальное существо, даже буржуазное. У него дома и джакузи стоит, и прочее, но при этом он рисует доллар на картине Малевича, потому что тот продается. То же самое с Куликом. Стратегия художественного поведения никак не связана со страте-

Сергей Курехин.

гией житейского, а выстраивается как некая параллельная структура. Естественно, молодое поколение эта ситуация не устраивает, потому что она, будучи успешной в художественном отношении, заведомо проигрывает, если люди вынуждены разделять художественное и житейское поведение.

— Но ведь если ты проповедуешь что-то, ты должен своей жизнью это подтверждать.

— По сути дела, весь послевоенный авангард есть попытка приспособиться к новому обществу. В результате он выродился в конформизм. Одно дело поведение какого-нибудь авангардиста-шестидесятника Пятницкого, например, который был наркоманом, пьяницей, попал в милицию, — его житейское поведение абсолютно выразилось в его холстах. Другое дело (это начиналось все с Кабакова), когда художественный радикализм и бытовая жизнь абсолютно разделились.

Хотя еще в 70-е, в первой половине 80-х были люди, которые действовали в зоне опасности. Они казались болевых точек государства. С конца 80-х эти темы стали престижными, удобными. Такая ситуация говорит о том, что стратегия художника целиком стала подчиняться внешнехудожественным задачам. Художник должен жить, а не выживать. Эта стратегия усвоена и рок-музыкантами. Есть нечто постыдное в участии бывших наркоманов в кампании "Без наркотиков". Хотя я не сторонник наркотиков. Или бывшие алкоголики, которые выбирают стратегией выживания борьбу с алкоголизмом.

Выживает тот, кто вовремя найдет, кому можно продать самое дорогое и получить при

этом хорошую цену. Вот почему у меня претензии к господину Лужкову, к Москве, потому что Москва — выражение тотальной продажной стилистики. Мы перестали думать о том, хорошо это или плохо. Тебе платят — ты делаешь. И конечно, на смену этому придет поколение, настроенное на совершенно обратное. Они будут требовать ценой крови, чтобы жизнь соответствовала высказываниям. В России все существует как в маятнике. Волна отязности порождает внутреннюю необходимость в том, чтобы человек был связан.

— Как правило, у людей, которые умеют быть отвязными, все получается само собой, им не нужны никакие теории. Имеет ли смысл тогда подводить под это какую-то базу?

— Любая теория — это оправдание раздвоенности. Есть такой термин, очень важный для радикального искусства, "несчастное знание". Человек живет какой-то жизнью, но при этом понимает, что надо жить не так, и пытается найти соответствие. Романтики начала прошлого века и начала нынешнего пытались найти общую точку между жизнью и творчеством. Как правило, это кончалось трагедией. Опыт людей, идущих за ними, говорит о том, что это опасная зона. Если хочешь выжить, если хочешь уцелеть, должна быть совершенно иная стратегия поведения.

— А вы с этим согласны?

— Нет, не согласен, по своему психологическому абрису я продолжаю оставаться в этом смысле романтиком. Как бы ни было тяжело, сложно и опасно, я считаю, что художник обязан проживать свой текст, свою музыку, свои картины до конца. При этом он обязан понимать, что он делает. А ситуация, при которой вы делаете какое-то дело, как бы по касательной имеющее отношение к вашей жизни, очень удобна. Ведь можно сказать: это не я, это мой двойник.

В отличие от романтиков, у которых было несчастное сознание, очень продуктивное для творчества и очень неприятное для жизни, люди постмодерна — это люди со счастливым сознанием, довольные ситуацией. Постмодерн — это как бы мир декораций, система бесконечных зеркал, в которых человек постоянно видит свое отражение. Выбрать из этих отражений подлинное очень сложно.

Сейчас зарождается новый стиль, и, может быть, он будет связан с компьютерами, ведь в данный момент это самая горячая точка.

— На мой взгляд, это ужасно.

— Пока да. Но там намечается водоворот, в который вовлекается масса народу.

— Это реальная замена живому общению.

— Это связанные вещи. Чем больше общение с компьютером, тем больше потребность в живом общении.

— Ваш взгляд на современное состояние тех радикальных художников, которые начинали работать в 60 — 70-е годы?

— С моей точки зрения, ситуация грустная. Большая часть просто выпала в осадок, исчезла физически — очень много погубило знакомых. Оказалось, люди 70-х менее жизнестойки. Перестройка была для них своего рода психическим ударом, повлекшим серию смертей. А другая часть из выпавших в осадок — это люди, которые остались вне, за чертой того, что называется культурным истеблишментом. Либо люди бросили писать, либо они пишут, но их подполье стало еще глубже. Они ока-

Эдуард Лимонов.

зались уж совсем загнанными в яму. Замечательный поэт, например, Саша Миронов, который сидит в своей котельной и продолжает писать. Те лучшие поэты 70-х, которые бросили писать, работают кто стюардом, кто священником. Занятие словом — опасная зона, разрушительная для обычной бытовой жизни.

— Почему?

— Все пронизывается этим, все подчиняется этому. Создается психическое напряжение, гораздо большее, чем человек может вынести. Ведь слово — это постоянная рефлексия, постоянное самонаблюдение. Это мир эмоций, который уже вытеснен полностью из подсознания в сознание. Процентом 60 моих знакомых сидят безвылазно в психушке, причем это замечательные поэты.

Очень немногие оказались вписанными в истеблишмент. Сложность ситуации в том, чтобы существовать в истеблишменте, не предавая тех ценностей, которые были. А это возможно лишь в маргинальном пограничном состоянии. В той или иной степени Пригов, Рубинштейн — люди, созданные 70-ми годами, являющиеся по-настоящему серьезными авторами, сейчас достаточно успешно эксплуатируют ситуацию. На мой взгляд, их вписанность в истеблишмент убийственна для их текстов. Они сейчас все в той или иной степени переживают состояние кризиса. Это видно по Кибирову, это видно по Гандлевскому, который сейчас находится в состоянии метафизического ужаса. Жить в таком состоянии можно, привыкаешь, но в творческом отношении это бесперспективно. То есть те надежды, которые питало мое поколение, не исполнились.

— Как вы относитесь к Лимонову как к писателю?

— Я его знаю как поэта, и как поэт он мне очень нравится. Я считаю, что он по сути своей поэт, а писателем стал по необходимости. Романтическое начало в нем присутствует постоянно, и это мне в нем симпатично. Но всерьез воспринимать его политические игры невозможно, по моему, он дурака валяет. Но, когда в свое время только появился "Эдичка", для меня это была книга-событие. Но в Лимонове есть какая-то фундаментальная дурь. Смешно, например, смотреть, как он молодится. Человек должен все-таки ощущать возраст. Хотя в своем роде это необходимая для нашего пейзажа фигура в художественном смысле.

— Ваше отношение к религии?

— Я всегда считал себя человеком православным, но церковь все больше функционирует как институт государства, и, чем больше она становится государственной, тем меньше она меня устраивает.

